

РУСЛАН БЕДОВ

Русский богатырь и лесное воинство

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

Руслан Бедов

**Русский богатырь
и лесное воинство**

«Издательские решения»

Бедов Р.

Русский богатырь и лесное воинство / Р. Бедов — «Издательские решения»,

Непутевый сынок успешного бизнесмена по имени Саша Ковальчук волею судьбы попадает в таинственный параллельный мир, в котором живут лесные жители. Все то, что он слышал и читал в народных сказках, оказалось реальностью, в которой ему отведена далеко не последняя роль...

© Бедов Р.

© Издательские решения

Содержание

Врата Леса. Миссия для богатыря	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Глава шестая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Русский богатырь и лесное воинство
фантастические повести
Руслан Бедов**

© Руслан Бедов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Врата Леса. Миссия для богатыря

Глава первая

Грузная краснощекая женщина вытащила из своей необъятной, невероятно пестрой сумочки связку ключей и вставила один из них в замочную скважину. Это была Светлана Валентиновна, главный продавец магазина бытовой техники и электроники на окраине города. Когда непослушный замок, наконец, поддался, над головой, противно подвизгивая, завывала сигнализация. Выругавшись вполголоса, женщина открыла дверь магазина и хотела, было, переступить высокий порог, как почувствовала, что кто-то дергает ее за штанину. Обернувшись, она увидела двух одетых в поношенную грязную одежду детей лет восьми, жалобно на нее смотрящих и хором просящих плаксивыми голосами. Отмахнувшись от детей, продавщица бросила сумку на стеклянный прилавок и стала доставать оттуда расческу и зеркальце, однако, привести в порядок прическу женщине так и не удалось. Бесцеремонно хлопнув дверью, в магазине появились те самые маленькие оборванцы. С любопытством осматриваясь по сторонам, они подошли к прилавку и снова стали ноющими голосами клянчить у продавщицы «копеечку». Женщина внимательнее присмотрелась к детям. На вид они действительно были бледными и худыми, от них на весь магазин несло мусоркой и пищевыми отходами, однако выражение их глаз ей совсем не понравилось. Она прищурила глаза и, сердито сложив полные губы, хотела выгнать назойливых бомженят, но тут в ее, как она считала, от природы доброй душе сверкнула искорка сострадания, – что будет плохого в том, если она даст этим несчастным немного мелочи? «А если они будут каждое утро приставать к тебе? Так и на голову сядут. Ты что не знаешь этих нищих?» – пробовал протестовать внутренний голос, но жалость все-таки победила, и Светлана Валентиновна полезла в сумку за кошельком. «Если в следующий раз охранник опоздает, я ему собственноручно шею намылю», – подумала она. Оборванцы тут же перестали хныкать и заговорщицки переглянулись. С минуту поковырявшись в кошельке, продавщица выудила несколько двадцати пятикопеечных монет и протянула детям. Увидев подачку, дети скривили недовольные гримасы.

– Чего?!?! – изумилась женщина.

– Скупость – это порок, Светлана Валентиновна, – по-взрослому серьезно сказал один из детей, – нехорошо жалеть для несчастных сиротинушек.

При этих словах ребенок почему-то криво ухмыльнулся.

Обалдевшая продавщица недоуменно уставилась на детей:

– От... откуда вы знаете, как меня зовут?

– Мы все про тебя знаем, – хвастливо сказал другой.

– А ну убирайтесь отсюда, – страшным голосом вдруг заорала Светлана Валентиновна, швырнув монеты в мальчишек, и замахнулась на них своей увесистой сумкой. При этом кошелек, лежавший рядом с ней, слетел на пол как раз под ноги попрошайкам. Один из них невозмутимо подобрал кошелек и, заглянув в него, многозначительно присвистнул.

– Отдайте немедленно кошелек, иначе я милицию вызову, – уже визжала продавщица. Она оставила в покое сумочку и бегом бросилась за детьми.

– Мы знаем, что вы изменяете своему мужу с банкиром! – спрятав кошелек в карман, выкрикнул один из детей.

– Да я вам сейчас..., – задыхаясь от ярости, прошипела Светлана Валентиновна, схватив, было, наглеца за шиворот, однако тот каким-то чудом увернулся от захвата. Дети бросились к дверям.

– А еще вы регулярно подворовываете из магазинной кассы! – пропищал другой попрошайка.

В этот момент дверь открылась, и на пороге появился охранник. Увидев его, дети бросились врассыпную от двери по углам магазина.

– Держи их!!! – крикнула Светлана Валентиновна и бросилась за тем, у кого в последний раз видела свой кошелек.

У попрошайки не было шансов улизнуть от преследования. В том углу, куда он бросился наутек, не было выхода. Вход за высокий прилавок был еще закрыт на висячий замок. Снова растрепанный грязный воротник бродяги оказался на расстоянии вытянутой руки. Женщина уже дотронулась до вора, прижав его к стене, как маленький разбойник шагнул... прямо сквозь стену и исчез, перед этим издевательски оскалив желтые зубы.

Светлана Валентиновна с разбегу врзалась в стену и, ударившись головой, упала на спину. Даже не почувствовав боли, грузная продавщица вскочила с пола так легко, словно гимнастка, и застыла, таращась на стену, в которой только что исчез воришка. Она стояла так несколько секунд, затем выпрямилась и обернулась, вспомнив о другом.

Охранник неподвижно стоял возле прилавка в противоположном конце торгового зала и в недоумении смотрел на стеллаж за прилавком, где красовались цифровые видеокамеры.

– Где он? – спросила Светлана Валентиновна, подойдя к охраннику.

Охранник дрожащей рукой показал на стеллаж:

– Ушел туда... – тихо сказал он, – в стеллаж прямо как в воду нырнул.

– Какую воду, Петр Андреевич? – переспросила продавщица.

Охранник пожал плечами и часто заморгал глазами.

– Не знаю, – произнес он, – захватил с собою видеокамеру за шесть тысяч...

Петр Васильевич зашел за прилавок и осторожно потрогал стекло, закрывающее стеллаж.

– Просунул руку прямо сквозь стекло, схватил камеру и... и исчез, – Петр Андреевич потер покрывшийся испариной лоб, – я вчера выпил немного, но не настолько...

– Как схватил камеру?! – выдохнула Светлана Валентиновна и тоже бросилась к стеллажу. Стойка с ценником была действительно пуста. Продавщица разглядела даже следы грязных пальцев.

– Самую дорогую спер, скотина..., – прошипел охранник.

– И куда ты смотрел, простофиля?! – неожиданно накинулась на него продавщица. Теперь и полгода не хватит, чтобы рассчитаться за эту дрянную камеру. У меня, между прочим, сын в этом году школу заканчивает. Знаешь, сколько на него денег уходит?!

Охранник, опешивший вначале, довольно быстро пришел в себя и пристально посмотрел на Светлану Валентиновну:

– Знаю, Светка, знаю. Все, которые воруете из кассы, – ехидно произнес он.

Ошеломленная продавщица страшно раскрыла глаза и рот, чтобы дать отпор, но тут за спиной раздался мелодичный звук колокольчика открывающейся двери. Оба резко обернулись, мигом натянув на лица приветливые улыбки, и обомлели: на пороге стоял шеф, директор магазина. Вообще-то он заглядывал сюда нечасто, у него было много дел, и он присылал для проверки своего помощника, молодого паренька лет двадцати, который обычно ничего не проверял, хохмил со Светланой Валентиновной и курил с охранником, после чего, так и не взглянув в бумаги, уходил.

– Здравствуйте, Владимир Викторович, – промурлыкала продавщица.

Ткнув локтем охранника, она прошипела:

– Если наступишь на меня, тебе несдобровать, понял?

Петр только отмахнулся и, в свою очередь, поздоровался с шефом.

Тот видимо был не в духе, и это еще больше встревожило продавщицу. Неужели он действительно узнал о ее махинациях с выручкой? В любом случае, с бумагами все в порядке. Месяц назад приходила главбух, все проверила и зацепок не нашла.

– Светлана Валентиновна, попрошу в мой кабинет, – поздоровавшись, обратился директор к продавщице, у которой от этого обращения все похолодело внутри.

По имени отчеству начальство называло ее только перед тем, как собиралось сделать хороший нагоняй. Обычно же для шефа она была просто Светочкой. Едва переставляя ватные ноги, под насмешливым взглядом охранника Светлана Валентиновна поплелась вслед за директором в его кабинет.

«Ну, держись, Петька, если будут топить, то я и тебя на дно потяну», – думала она, переступая порог кабинета.

Владимир Викторович сидел на подоконнике и с интересом рассматривал цветы. По всему было видно, что такое занятие приносило ему немалое удовольствие. Это обстоятельство, в свою очередь, весьма удивило продавщицу, которая не первый год знала своего шефа, и никогда не замечала за ним привязанности к цветам да и вообще ко всему живому. Владимир Викторович был инженером-программистом, и его интересовали только техника и все, что с ней связано.

– Очень рада вас видеть, уважаемый Владимир Викторович, – пропела Светлана Валентиновна, – мы так редко с вами видимся. У вас все в порядке? Как ваша дочурка, не болеет?

Шеф обернулся к продавщице и с укоризной посмотрел на нее, затем снова перевел взгляд на цветы, при этом не проронив ни слова.

– Ой, конечно, конечно, – спохватилась продавщица и бросилась к лейке, – я сейчас обязательно полью цветы.

Одобрительно хмыкнув, Владимир Викторович сел за стол и сделал то, чего раньше никогда не делал. Он задрал ноги в дорогих лакированных туфлях прямо на стол и, скрестив на груди руки, воззрился на продавщицу.

– Ну-с, Светлана Валентиновна, садитесь на эту... стулку и рассказывайте, что здесь происходит?

Продавщица послушно присела на кресло возле стола и нахмурилась: что это еще за «стулка»? Светлана Валентиновна внимательно посмотрела на шефа – все ли с ним в порядке? Почему он себя так ведет? Неужели все это потому, что он узнал о ее воровстве? Мог бы сразу сказать: «Вы уволены», и дело с концом, а то целый карнавал устроил...

– Ну, что же вы молчите? – сказал директор магазина.

– А... а, что, собственно?.. Ничего такого не происходит..., – заикаясь, начала оправдываться Светлана Валентиновна, – разве что... вот только что... бродяги в магазин ввалились. Ну, так я милицию вызвала, их быстро найдут...

Продавщица запнулась и жалобно посмотрела на шефа:

– Владимир Викторович, – вычтите неустойку из Петькиной зарплаты. Он опоздал на полчаса и не смог обезвредить воришек. А что я? Я всего лишь женщина...

Владимир Викторович сокрушенно покачал головой, но этот жест показался Светлане Валентиновне уж больно деланным. Она не могла понять, серьезно директор говорит или шутит.

– Вычту, вычту, – произнес он, – не извольте беспокоиться.

– *Обеспокоиться?* – продавщица во все глаза смотрела на директора. Он что, русский язык совсем позабыл?

– У вас что-то случилось, Владимир Викторович? – участливо спросила она и робко взглянула на директора.

Шеф нахмурился:

– Ничего не случилось, – отрезал он, – чего привязалась? Сама-то какая?

Светлана Валентиновна сидела неподвижно, и, как рыба, то открывала рот, то закрывала.
– Какая? – пролепетала она, – и что это вы мне тыкаете...

Владимир Викторович грохнул кулаком по столу и, проворно вскочив на ноги, навис над побледневшей продавщицей. Та почти полностью спрятала голову в свои пышные плечи.

– Деньги из кассы куда деваются, я тебя спрашиваю?! – заорал он так, что стеклышки на люстре зашевелились, а у Светланы Валентиновны волосы на голове. Ужас сковал все ее тело могильным холодом...

– Да знаешь ли ты, что я тебя в жабу превращу?!!

– Я... я все отдам, отдам, Владимир Викторович, – едва слышно пролепетала продавщица, сын у меня взрослый, знаете ли. Зарплата мизерная, на хлеб не хватает...

– Чтобы завтра же шестнадцать тысяч триста сорок восемь, двадцать одна копейка лежали в кассе, понятно?! – продолжал греметь шеф.

– Да, да, да, двадцать одна копейка, двадцать одна копейка..., – промычала Светлана Валентиновна. Мысли путались от наплыва непонятного страха. «Двадцать одна копейка», – единственная мысль, которая, словно мячик от пинг-понга, скакала в ее голове. Наконец, тело начала бить мелкая дрожь, на глазах появились слезы.

– Таким вот образом, – неожиданно спокойным и будничным тоном сказал Владимир Викторович, – и запомните, Светлана Валентиновна, если завтра к утру в кассе не будет всей суммы, доживать вам век гадкой жабой в ближайшем городском отстойнике. Прощайте.

Светлана Валентиновна, не поднимая головы, продолжала всхлипывать перед шефом, к которому она уже давно привыкла относиться как к собственному сыну. А тут такое...

– Что значит «прощайте», Владимир Викторович? – наконец позволила себе пискнуть женщина, – после стольких лет вы меня вот так выбросите на улицу?

В ответ молчание. «Пропала», – мелькнула мысль в голове. И тут же пришло решение, во что бы то ни стало, вымолить у шефа второй шанс. Ведь ей именно сейчас так необходима работа!..

Светлана Валентиновна подняла голову и обнаружила себя сидящей в одиночестве в кабинете у директора. Страх улетучился, словно его и не было.

«Когда он вышел? – удивилась продавщица, – почему же я не слышала, как открывалась дверь».

Женщина встала со стула, внимательно осмотрела кабинет и только взялась за ручку двери, как она открылась, чуть не ударив продавщицу по носу, и перед ней запыхавшийся и обеспокоенный предстал охранник Петр Андреевич.

– А! Вот вы где, – облегченно воскликнул он, – а я-то думаю, что это такое: магазин открыт, а никого из продавцов нет. На Светлану Валентиновну что-то непохоже. Девочки уже пришли и ждут вас. У вас все в порядке, вам не плохо? – Петр Андреевич.

Светлана Валентиновна несколько секунд пристально смотрела на охранника и ничего не могла понять. Петька вел себя так, словно ничего не произошло. Неужели и этот пес паршивый решил посмеяться над ней на пару с шефом?

– Ты что, издеваешься надо мной? – процедила сквозь зубы продавщица и так нахмурила брови, что охранник даже попятился.

– Я? Что вы, Светлана Валентиновна, – замахал он руками и как-то очень внимательно посмотрел на женщину. В этом взгляде продавщица не увидела ни капли насмешки и чего-то подобного.

– Дверь в магазин оказалась действительно открытой, – продолжал тараторить Петр Андреевич, – мы с девочками зашли как раз и очень удивились, что за товаром никто не присматривает. Хорошо, что Владимир Викторович, грешным делом, не появился. С вами действительно все в порядке? – охранник заботливо заглянул ей в глаза.

– Значит и камера, которую сперли у вас перед носом, тоже на месте? – насмешливо спросила Светлана Валентиновна.

Охранник побледнел, и со словами «Как сперли?!!» бросился в торговый зал, где уже весело щебетали девушки продавцы-консультанты.

Светлана Валентиновна не спеша закрыла дверь кабинета на ключ и вышла следом. Навстречу ей шел насуленный охранник.

– Злые у вас шуточки, Светлана Валентиновна, – пробурчал он, – если бы, по вашей милости, что-то действительно, как вы выразились «сперли», мне бы пришлось это минимум полгода отрабатывать.

Продавщица бросилась к прилавку: камера с соответствующим ценником была на своем месте.

У женщины подкосились колени и закружилась голова.

– Кто-то мне объяснит, что здесь происходит? – спросила она.

– Что случилось, Светлана Валентиновна? – спросила одна из девушек.

– Шеф приехал, девчонки! – выкрикнула другая.

С расширенными от ужаса глазами Светлана Валентиновна обернулась на звук колокольчиков над дверью и увидела улыбающуюся физиономию Владимира Викторовича.

– Здравствуйте, Светочка. Привет, девочки, – поздоровался он и, как ни в чем не бывало, направился к своему кабинету.

У Светланы Валентиновны потемнело перед глазами, и она окунулась в черное небытие...

Глава вторая

В коридорах офисного здания крупнейшей торговой компании города сегодня, как никогда, былолюдно и шумно. Служащие в строгих костюмах сновали туда-сюда при галстуках, с портфелями и папками. Разнообразно звучали дорогие мобильные телефоны, слышался оживленный разговор, все что-то возбуждённо обсуждали и куда-то спешили.

Представительный мужчина лет сорока пяти стоял возле лифта и разговаривал с кем-то по телефону:

– Я уже на месте, Олефина Валерьевна, как вы и просили. Куда мне идти дальше? Я здесь чуть не заблудился... да, хорошо.

Мужчина положил телефон в карман и уверенно зашагал по коридору.

– Здравствуйте, Кирилл Сергеевич, – слышалось со всех сторон в его адрес.

Мужчина только кивал головой и думал о чем-то своем. Наконец, он дошел до двери с надписью «Малый конференц-зал» и открыл дверь.

Хорошо освещенная большая комната была обставлена дорогой мебелью. На стеклянных столах стояли компьютерные мониторы. На стене висела огромных размеров плазменная панель. За одним из столов сидела красивая женщина лет тридцати пяти в синем деловом костюме. Когда Кирилл Сергеевич вошел, она встала и пошла навстречу:

– Рада вас видеть у нас, дорогой Кирилл Сергеевич, проходите, пожалуйста, – радушно заговорила она, – надеюсь, дорога не сильно вас утомила?

Гость только досадно отмахнулся и сел в ближайшее кожаное кресло.

– Брось, Яга, – недовольно буркнул он, – ты же знаешь, не люблю я такого. В лесу от этих... людей покоя нету, а тут ты еще со своими кривляньями.

Женщина укоризненно посмотрела на гостя.

– Здесь я для тебя, Лешик, Олефина Валерьевна, – назидательным тоном произнесла она, – а ты для меня Кирилл Сергеевич. Я устала тебе это объяснять...

– Да знаю я, – примирительно ответил гость, – только я обыкновенный Леший, знаешь ли, и некоторые вещи для меня в диковину. Ведь ты вспомни, еще полвека назад я должен был для того, чтобы с тобой поговорить, бродить по бесконечным мрачным коридорам и искать «товарища» Маркову, а теперь ты уже «госпожа» Савельева. Нельзя ли как-то помедленнее с изменениями в облике? А то у меня от этих бесконечных изменений голова кругом вот уже больше ста лет идет. Люди все как с ума посходили, да и мы вослед им идем...

– Все это я от тебя слышала много раз, – раздраженно ответила Олефина Валерьевна, – и все же очень прошу, Леший, будь человеком...

– Да упаси меня наша досточтимая Ладушка, чтобы я хоть на мгновение стал человеком, – возмутился Кирилл Сергеевич.

– Неужели ты не понимаешь, что здесь много людей, – потеряла терпение Яга, – замолчи сейчас же!!! Тут Врата под угрозой, а ты все со своими лесными принципами, как та баба с писаной торбой.

Неизвестно, к чему бы пришел их спор, если бы дверь конференц-зала не отворилась, и в комнату не вошел полный мужчина в черном костюме с депутатским значком на воротнике.

– О! Водя... тьфу ты! Как там тебя по новому-то? Вадим Вадимович, сколько лет, сколько зим! – Кирилл Сергеевич, кряхтя, встал с кресла и протянул руки к вновь вошедшему. Посмеиваясь, мужчины обнялись. Затем Вадим Вадимович поздоровался с Олефиной Валерьевной.

– Наслышана о вашей политической деятельности, – с улыбкой сказала женщина, протягивая руку для поцелуя.

– Что в последнее время происходит с внешнеэкономическим торговым балансом страны благодаря вам, Олефина Валерьевна, знают, мне кажется, даже в Лесу, – парировал Вадим Вадимович.

Женщина только развела руками.

– Кризис, – многозначительно произнесла она и подняла указательный палец к потолку. При этом оба рассмеялись.

– Однако же, мы пришли сюда по серьезному делу, – без улыбки сказал депутат, – где там наши герои? Надеюсь, лишних людей в это дело вы не втянули? – Вадим Вадимович вопросительно взглянул на Олефину Валерьевну.

– Людей в этом деле нет вообще, – поспешила заверить собеседника бизнес-леди, – до известного момента.

Вадим Вадимович приложил ладонь к губам в знак молчания. В конференц-зал один за другим стали входить молодые люди с бейджиками на костюмах и с пухлыми кожаными папками подмышками.

– Рассаживаемся поудобнее, господа, – заговорила Олефина Валерьевна, – отключаем телефоны. Предстоит долгий и серьезный разговор.

– Почему нельзя встретиться в Лесу, на поляне, и все, как следует, обсудить, – пробурчал Кирилл Сергеевич, но встретившись взглядом с Олефиной Валерьевной, тут же замолк.

Когда все расселись по местам, женщина обратилась к Вадиму Вадимовичу:

– Прошу вас, начинайте, у нас не так уж много времени. Бизнес есть бизнес, – сами понимаете...

Депутат кивнул и, поправив пиджак на своем необъятном животе, заговорил таким тоном, словно он разговаривает с избирателями на площади через громкоговоритель:

– Как уже известно всему лесному воинству и в самом Лесу, и за его пределами, Шелудивому снова удалось прорваться в наш мир, и теперь он ищет только удобного времени, чтобы чинить те свирепые деяния, на которые, как мы знаем, он способен, если дать ему волю. У всех у нас на памяти, что произошло с миром людей, когда он объявился в здешних местах в прошлый раз. Два раза он вырывался из заточения и если бы вырвался третий раз...

– Много раз мы спасали мир людей от лютой гибели, но они так ничему не научились, – раздался смелый женский голос из зала.

– Да, да, эта русалка права, – вставил Кирилл Сергеевич, – мало того, что они в идиотском исступлении убивали друг друга в Первой и Второй мировых войнах, как они их называют, так после всего этого чуть не погубили и нас своим этим оружием...

– Что нам до людей, пускай решают сами свои проблемы! – подал голос какой-то молодой человек с переднего ряда.

– Уйдем в Лес и запрем Врата! Что нам до людей! – раздавались голоса с разных сторон.

– Замолчите!!! – свирепо шикнула на них Олефина Валерьевна так, что в зале воцарилась гробовая тишина. – Неужели никто из вас не догадывается, почему Шелудивому в прошлом удавалось так скоро освободиться от уз мрака?

– Среди людей не нашлось Богатыря, – подал голос из зала молодой человек, – пришлось справляться самим.

– Человек нынче не тот пошел..., – с тяжелым вздохом закивал головой Кирилл Сергеевич, – оскотинился, всю силу духа растерял.

– Хватит ныть, – отрезала Олефина Валерьевна, – мы нашли Богатыря, который способен справиться с Шелудивым и заточить его на этот раз надолго.

– Во время первой войны мы, помнится, тоже нашли, – насмешливо подал голос Вадим Вадимович, – помнишь, Яга, что с ним случилось? А ведь то был не первый раз.

– Недаром мы бросили эту затею с Богатырем и стали сами управляться хоть как-то, – снова поддакнул Кирилл Викторович.

В зале одобрительно загудели.

– Предлагаем уйти в лес и запереть Врата на Семь Замков. Их Шелудивый нипочем не одолеет!

Олефина Валерьевна долго слушала, внимательно разглядывая каждого, и сделала то, на что не осмеливалась за все время жизни среди людей. Раздалось шипение, словно на раскаленную печку вылили ведро воды, в зале завоняло серой и едким горелым. Ошеломленные менеджеры и директора различных фирм увидели перед собой вместо стройной высокой женщины, сгорбленную в три погибели древнюю старуху, одетую в лохмотья с длинными растрепанными седыми волосами, опирающуюся на толстый высокий посох.

В зале изумленно выдохнули. Кирилл Викторович озадаченно крикнул и стал ерзать на кресле.

– Олефина Валерьевна, как можно здесь?.. – нахмурившись, неодобрительно произнес Вадим Вадимович, – вы же не первый год...

– Послушайте меня, лесные жители, – противно проскрипела старуха, – вы сетуете на людей, что они растеряли исконный человеческий дух и стали походить на несмышленных тварей, мятущихся по ветру, словно тростник на болотистых местах. Что ж, вы правы, возражать не стану. Но кроме этого я достоверно знаю и еще кое-что, – Яга выдержала многозначительную паузу и зыркнула бесцветным глазом из-под густых бровей на Вадима Вадимовича. Водяной только смущенно закричал, – многие из нас стали терять свой образ!

Собрание возмущенно загудело.

– Не может быть!

– Что ты говоришь, Яга?

– Гвалт!

– Вы потеряли знания Леса, – невозмутимо сказала Яга, – а значит, потеряли свой образ.

– Докажи! – мрачно произнес Кирилл Викторович.

– С каждым своим освобождением Шелудивый становится все сильнее, – продолжала говорить Яга, – кто знает, насколько силен он сейчас? И кто меня заверит в том, что не он сможет преодолеть Семь Замков на Вратах Леса? А? Если мы не примем решительных мер сегодня, завтра может оказаться уже поздно. Он уничтожит мир людей, затем возьмется за Врата Леса. Поверьте, без людей ему будет справиться с ними намного проще. И еще для самых забывчивых: Лес не сможет быть Лесом без мира людей. Эти два мира связаны между собою воедино. И если погибнут люди, вскоре погибнем и все мы! Мне очень горько напоминать вам об этом!

В конференц-зале повисло гробовое молчание. Возразить было нечего.

– Ладно, Яга, – подал голос Кирилл Викторович, – ты не гневайся на нас. Лучше расскажи, что там у тебя за Богатырь.

– Да не Богатырь он вовсе, – раздался голос из зала, – мальчишка сопливый из неблагополучной семьи!

Снова раздалось шипение, и Яга снова преобразилась в Олефину Валерьевну. Отряхивая пылинки со своего дорогого костюма, она снова заговорила:

– Лесной дух, я, кажется, просила тебя следить за ним и помогать ему, а не выносить своих суждений на публику.

– Да, следим мы за ним, куда он денется, – ответил один из молодых менеджеров, – только уж больно он бестолков. Уморил уже за несколько месяцев.

– Во-вторых, – продолжала говорить Олефина Валерьевна, – помогать – не значит заниматься вымогательством! – женщина подошла к молодому человеку и грозно взглянула на него. Тому стало не по себе, и он поежился.

– А что я?.. – пробовал защититься он.

– Ты извел главного продавца магазина электроники, – ответила Олефина Валерьевна, – так что она теперь лежит в реанимации в кардиологии с инфарктом. Или это неправда?

– Ну, правда... – промычал менеджер, – дэж, этому твоему богатырю все время деньги нужны. Он, эта, у отца его без конца тырит. Вот я и позаботился, чтобы хоть у Владимира Викторовича деньжата-то и не пропадали. А то, чего доброго – то, разорит сыночек батька своего...

– Какое это имеет отношение к нашему делу, я тебя спрашиваю?! – грозно нависла Олефина Валерьевна над бедным лесным духом, – а что ты за карнавал устроил в участке, где задержали жену Владимира Викторовича за пьянку? Если бы не своевременные чары Вадима Вадимовича, весь город до сих пор бы искал ответ на вопрос, откуда в самом центре города в милицейском участке столько козлов появилось.

– Эта, она их козлами обзывала и другими разными... прозвищами, – оправдывался менеджер, – как-то нечаянно получилось, сорвалось, что ли...

– *Нечаянно получилось*, – передразнила менеджера Олефина Валерьевна, – ничего этим духам доверить нельзя. Обязательно в какой-нибудь конфуз вляпаются!

Женщина демонстративно отвернулась от менеджера к девушке лет девятнадцати в коротком полупрозрачном платьице.

– Посмотрим теперь, на что наши русалочки еще способны... Светлана Михайловна, почему у вас не корпоративный вид? В бизнес-центре пришли работать или в озере плескаться, добрых молодцев изводить?

– Тьфи, – только скривилась девушка, – не собираюсь я никого здесь изводить. Больно-то надо. Да и было бы кого...

– Ладно, ладно, не отпирайся, – строго сказала Олефина Валерьевна, – знаю я вашу породу русалочью. Сначала приворожите, заманите, а потом... – женщина сделала убедительный жест рукой возле горла.

Русалка ничего не ответила, только вздохнула.

– В этом же деле надо проявить не только, эта... свои прелести, – Олефина Валерьевна обвела руками вокруг девушки, – но и изрядную долю ума...

Олефина Валерьевна на секунду замолкла, задумавшись, затем изрекла следующее:

– Впрочем, в твоём случае, Света, эти самые прелести, вероятно, будут иметь все-таки ключевое значение.

Кто-то в зале неоднозначно захихикал...

Глава третья

Большая университетская аудитория с высоким подиумом и помпезной кафедрой посредине была полна студентов, из-за чего здесь не хватало воздуха. Не помогли даже настезь распахнутые огромные окна, поскольку за ними стояла жаркая погода, и было душно. Саша Ковальчук сидел на самом последнем ряду и увлеченно играл в какую-то игру на своем телефоне, не обращая ни на кого внимания. Когда к нему кто-то обращался с вопросом, он слушал невнимательно, отвечал односложно и всем своим видом создавал вокруг себя сообщение окружающему миру: «не трогайте меня». Саша Ковальчук был сыном одного из местных олигархов и своим пребыванием на третьем курсе политеха был обязан исключительно состоятельности своего папы.

– Санек, ты приготовился к семинару? – спросил Сашу его длинноволосый сосед Вова, одетый во все черное. На всех парах без исключения рядом с конспектом и учебниками на столе у него всегда почему-то лежала увесистая в солидном переплете «Настольная книга магии». Когда у него спрашивали, зачем он постоянно с собой таскает такую тяжесть, к тому же никто никогда не видел, чтобы он ее хоть раз открыл, Вова обычно отвечал так:

– Она помогает мне поддерживать ауру, чтобы преподавы лишний раз не цеплялись.

Неизвестно как насчет «ауры», но в отношении преподавателей Вова не ошибся. Они действительно старались как можно меньше общаться с ним и за глаза называли «отморозком». Вова знал о своем негласном обидном прозвище, но не обижался. В конце концов, отношение «преподов», впрочем, как и сами знания, не имели особого значения. За все как всегда отвечал кошелек...

– Неа... – нехотя ответил Саша.

– Зря ты, – произнес Вова, – говорят, что эта Валентина Матвеевна ни в чем не нуждается и денег за тройку в зачетку не берет.

– Деньги все берут, – буркнул Саша, не отрываясь от игры, – весь вопрос в сумме.

– Не знаю, не знаю, – нерешительно ответил Вова, – ты же был на прошлом занятии. Она даже меня не боится...

– А че тебя бояться, – усмехнулся Саша, – на лбу написано – балбес балбесом. Только черного цвета.

– Да ладно, – обиделся Вова, – на себя посмотри. Ты даже конспекты не ведешь. Все на зеленых своего папочки выезжаешь...

– Вован, а тебе, че, завидно?

– Та больно надо...

– Тогда отвяжись.

Натужно надрываясь, в коридоре заревел звонок на первую пару. Все начали спешно доставать из сумок и кульков конспекты, просить друг у друга ручки и линейки. Несколько запоздавших влетели в аудиторию прямо перед преподавателем. Это была высокая стройная женщина лет пятидесяти, презрительно смотревшая на мир сквозь толстые линзы своих старомодных очков.

Все встали. Саша не пошелохнулся, продолжая увлеченно нажимать на кнопки своего телефона.

– Ковальчук, подъем! – прошипел над самым ухом Вова.

– Да встаю я, встаю... – пробурчал Саша и, нехотя оторвавшись от игры, тяжело поднялся на ноги.

– Еще раз говорю для тех, кто не слышал меня вчера, – громыхнула Валентина Матвеевна, когда все уселись по местам, – я не должна во время пары слышать ваши мобильные телефоны...

Как назло в это же мгновение у кого-то заиграла мелодия. Владелица непокорного моби́льни́ка стала судорожно шарить в своей сумочке.

– Я не должна слышать телефоны, – внушительно повторила Валентина Матвеевна, глядя орлиным взором на студентку, борющуюся с вопящим чудовищем в недрах сумки, – это раз. Во-вторых, если вы опоздали на пару, можете не заходить. И в-третьих: у кого к концу семестра не будет конспекта, будете бегать за мной до новых веников. Проверять буду выборочно, ежедневно. Все понятно?

В ответ – мертвая тишина в аудитории.

– Вот и хорошо, – снизив тон, сказала преподавательница, и стала раскладывать перед собой бумаги, – так на чем мы вчера остановились?

Тут тяжелые двери аудитории со страшным скрипом отворились, и в аудиторию вошла девушка, на долгие несколько минут привлекая к себе внимание всей мужской части потока. Разумеется, кроме Саши Ковальчука. Он по-прежнему сидел, уткнувшись в телефон.

– Разрешите войти, – невозмутимо спросила девушка. Она держала себя так, словно в аудитории никого не было.

– Фамилия! В каком виде вы пришли ко мне на пару?! – уже всерьез взбешенная громыхнула Валентина Матвеевна.

Вместо ответа девушка грациозно шагнула к кафедре и пристально взглянула на преподавательницу.

– Ладно, какая разница, – неожиданно резко изменив тон, равнодушно сказала Валентина Матвеевна и как-то нерешительно опустила свои выпученные глаза к себе на кафедру, – садитесь, пожалуйста. Не спеша, все также грациозно, словно она на подиуме, девушка, сопровождаемая жадными взглядами парней, прошла по рядам и остановилась возле парты, где сидел Саша.

– Можно сесть? – промурлыкала девушка, однако Ковальчук даже не поднял голову.

Онемевший Вова толкнул локтем товарища:

– Уступи девушке место, хам, – прошептал он.

– Ну, так что, я могу сесть? – требовательно повторила девушка.

– Не видишь, места нет, – огрызнулся Саша, не отрываясь от телефона, – сядь в другом месте.

– *Саша*, – тихо позвала девушка, пристально глядя в его макушку.

Ковальчук нехотя поднял голову:

– Ты что, глу... – он оборвался на полуслове, встретившись взглядом с девушкой.

Не то, чтобы она показалась ему особенно красивой. Ее мини-юбка и совсем прозрачная блуза совершенно не произвели на Сашу ни малейшего впечатления. Что-то другое, Ковальчук сам не понял, что именно, заставило его подвигнуться и уступить место.

– Да, садись уже... – буркнул он и снова уставился в большой монитор своего смартфона. Он уже забыл о существовании той, на которую вожде́ленно пялилась вся мужская половина потока. Забыл, пока ему, после пары, раздраженному и злому на всех преподавателей вселенной не напомнил Вова:

– Ну, у тебя и девушка, я тебе скажу, – восхищенно сказал он и мечтательно поднял взор к обшарпанному потолку коридора, – если бы у меня такая была, то я бы...

– Перестал быть готом и лишился бы своей ненаглядной шевелюры, – саркастически заметил стоявший рядом однокурсник.

Вова только отмахнулся от него.

– С чего ты взял, что она моя девушка? – спросил Ковальчук.

– Ну-у, – развел руками Вова, – она тебя по имени та-а-ак ласково назвала: «*Саша*». Значит она тебе не сестра. Если ты не обратил на нее ни малейшего внимания, значит ты с него того...

– Сам ты *того*, – презрительно скривил губы Саша и отвернулся к окну, – ты лучше скажи, что мне с этой стервой делать?

– Ты ее стервой называешь? – изумился Вова, взглянув на товарища круглыми глазами, – да она же с тобой так ласково, вот если бы...

– Ага, *очень* ласково, – передразнил Ковальчук Вову, – ты слышал: «Будешь ты у меня по кафедре ползать, полы языком вылизывать, а не рефераты писать!»

– А, ты о Валентине Матвеевне, – разочарованно протянул Вова, – да, твоя коронная отмазка с рефератами на этот раз не прошла...

– «Тупые писюльки из интернета» ее, видите ли, не устраивают, – продолжал возмущаться Саша, – нет, вот ты мне скажи, каким образом я напишу четыре лабораторки, которые я пропустил, за одну пару?! За кого она меня принимает?!

– Наверное, за того, кто «полы на кафедре языком вылизывать будет», – со смехом ответил Вова.

Ковальчук презрительно фыркнул и, засунув руки в карманы, зашагал в аудиторию, потому что над головой разрывался звонок.

К концу пары толстая тетрадь для лабораторных работ по-прежнему оставалась пуста, – Саша и не собирался ничего делать.

– Не привык я целые тома писать, – шептал он Вове, – я же не Лев Толстой, в конце концов!

– Тогда тебе придется привыкать к мысли о том, что вышку ты не получишь, – рассеяно ответил Вова, поскольку в этот самый момент, как и всю пару, пялился на сидящую рядом с Ковальчуком девушку.

– Фрося, меня зовут, – равнодушно ответила она Вове, когда тот по простоте душевной попытался с ней познакомиться. Однако гот совсем не обиделся.

– Ну, тогда меня Гоша, – засмеявшись, ответил он, но «Фрося» уже забыла о его существовании и думала о чем-то своем.

Впрочем, Вову радовал тот факт, что неприступная красавица отшла не только его.

– Ковальчук, я жду ваши лабораторные работы, – раздался голос Валентины Матвеевны со стороны высокой кафедры.

Саша заерзал, но ничего не ответил, притворившись, что его нет.

– Ковальчук, если я сейчас же не увижу выполненные задания, у вас начнутся проблемы, – настаивала преподавательница.

Саша закряхтел, нехотя засунул телефон в карман и обратился к сидящей рядом «Фросе»:

– Пусти, пойду на эшафот...

– Сиди, – шепнула та, – сама отнесу.

Девушка вырвала из рук удивленного Ковальчука тетрадку и встала из-за парты.

– Там ничего нет, – процедил сквозь зубы Саша, но «Фрося» уже была возле кафедры и передавала тетрадь Валентине Матвеевне.

Ковальчук только пожал плечами.

– Чего она лезет?! – едва слышно произнес он, однако Вова услышал.

– А ты еще говорил, что вы незнакомы, – зло шептал он, – за дурака меня держишь?

– Да не знаю я ее! – взорвался Саша.

– У вас что, Ковальчук, ноги отсохли? – неожиданно доброжелательным тоном обратилась Валентина Матвеевна к Саше, – заставляете девушку носить свои тетради.

– А я ее и не просил, – буркнул Ковальчук.

– Ладно, ведь можете, когда хотите, – преподавательница победоносно помахала конспектом над головой, – хотя четыре лабораторные за одну пару у меня еще никто не писал. Это вы ему помогали?

Валентина Матвеевна подозрительно посмотрела на «Фросю».

Та отрицательно покачала головой и вместе с конспектом вернулась на свое место. Прозвучал звонок.

Ковальчук против своего обыкновения не спешил покинуть парту. Он в изумлении рассматривал написанные его рукой лабораторные работы по «энергоустановкам замкнутого цикла».

– Что же ты голову морочил, что у тебя нет лабораторок? – допрашивал стоявший над головой Вова, но Саша не обращал на товарища внимания.

Наконец, обиженный невниманием, Вовка махнул рукой:

– Мутный ты сегодня какой-то, – произнес он, – че сидишь, вон тебя твоя Фрося ждет.

Вова ушел, а Саша продолжал таращиться в конспект.

– Может, хотя бы «спасибо» скажешь? – услышал он бархатный голос совсем рядом и поднял голову.

– Может и скажу, – невозмутимо ответил Саша, – если ты объяснишь, что произошло.

Кто все это и когда написал?

Ковальчук ткнул пальцем в исписанную тетрадь.

Девушка пожала плечами и присела рядом.

– Никто. Просто мне надо было, чтобы ты обратил на меня внимание. У меня к тебе дело есть. Если что, меня зовут Света.

Саша долго непонимающе смотрел на Свету, затем отшвырнул конспект на середину аудитории:

– Что значит «никто»?! – возмутился он, – ты меня за дурака держишь?! – повторил он фразу Вовки.

– Ага, вот пришла в этот душный и тесный муравейник, нашла такую бестолочь как ты и забавляюсь, – саркастически ответила Света, – так ты меня выслушаешь?

Саша сел на место и покачал головой:

– Хорошо, – согласился он, – но не раньше, чем ты все-таки объяснишь, кто и каким образом написал меньше, чем за пару четыре сложнейших лабораторки без единой ошибки и даже помарки.

– Ок, – тяжело вздохнув, ответила девушка, – вот так.

В следующую секунду тетрадь прямо на глазах у Саши превратилась в ворону. Птица покрутила головой в разные стороны, пару раз оглушительно каркнула и, захлопав крыльями, вылетела через распахнутое окно.

Ковальчук, наверное, до вечера бы, сидя в аудитории с отвисшей челюстью, переваривал увиденное, если бы сидевшая рядом со скучающим видом Света не привела его в чувство.

– Послушай, Ковальчук! Я могла бы *заставить* тебя выслушать то, что ты должен услышать, но мне надо, чтобы ты хотя бы раз в жизни проявил добрую волю и обнаружил рядом с собой кого-то еще, кроме себя самого.

Саша оторвал замороженный взгляд от окна и с интересом взглянул на девушку:

– Возможно, ты и дочка там какого-то коперфильда, не спорю, но для полиции нравов явно не годишься.

– Ну, хорошо, дочку-то Коперфильда ты в кафе пригласишь? – Света чарующе улыбнулась.

– Гм... – смущенно почесал затылок Саша.

Глава четвертая

Вова захлопнул за собою входную дверь и потянулся в темноте за выключателем, но привычной клавиши на месте не оказалось. Выругавшись, Вова стал шарить по стене, но так ничего и не нашел. Такое и раньше случалось, когда Вова приходил домой нетрезвым или обкуренным с готских вечеринок, тогда для него было проблемой попасть даже ключом в замочную скважину. Однако сегодня Вова пришел в свою маленькую однокомнатную квартирку своей бабушки, как говорится, в здравом уме и доброй памяти, в его желудке с утра не было даже пива. Что с ним?

Наконец, отчаявшись найти заветный выключатель, разозленный на себя Вова, потянулся к дверной ручке, чтобы открыть входную дверь, но рука... уперлась в стену. Пошарив вокруг, Вова не обнаружил и двери – вокруг пальцы натыкались на ровные и какие-то странно холодные стены. Гота прошиб холодный пот.

– Неужели белка?! – прошептал он, – я же не так много пью. Больше не возьму в рот ни грамма! Только бы освободиться от этого наваждения! Вова почувствовал, как на голове стали шевелиться волосы – кто-то стоял за его спиной. Гот не чувствовал ни дыхания, ни шороха, он просто знал, что не один. Вова хотел повернуться, но тело сковал могильный холод и он не мог двинуть даже мизинцем ноги. Первая мысль, пришедшая в голову, оказалась совершенно не свойственна такому человеку как Вова. Это была молитва «Отче наш». Гот попытался разомкнуть губы и сказать хотя бы фразу, но язык прилип к гортани, а губы не хотели двигаться.

– Не вздумай! – вдруг раздался совершенно отчетливый мужской бас в голове у несчастного Вовы, – впрочем, тебе это и не поможет. Хе-хе-хе. В кои-то веки ты вспомнил о Боге? Еще вчера на собрании ты вместе с такими же придурками как и ты сам, восхвалял силы мрака и тьмы смертной. Отчего же ты так испугался, когда встретился с ними лицом к лицу?

– Да он даже и не представляет себе, с чем связался, – раздался совсем рядом противный фальцет на этот раз абсолютно реальный.

– Как можно клясться в верности тому, о чем не имеешь представления? – возмутился кто-то еще, и раздалась чавкающие звуки, от которых у Вовы тут же тошнота подступила к горлу.

– Я всегда говорил, что эти люди – в высшей степени странные существа, – философски отозвался вполне человеческий голос из-за спины у гота, – они кричат на всех переулках о том, как верят в доброго Бога, а сами при этом злее самого... – голос запнулся.

– Ага, – поддакнул писклявый голос сбоку, – призывают и восхваляют силы тьмы и мрака, а потом в штаны кладут от страха! Вот уммора!!!

– Заткнитесь!!! – вдруг загремел бас, от которого у Вовы снова задрожали поджилки, впрочем, не только у него, – включите свет. Я хочу взглянуть получше на этого отморозка!

Вдруг непроницаемую темноту вокруг разорвал желтоватый мигающий свет. Вова от неожиданности зажмурился, а когда разомкнул веки, то присел от удивления. Он находился совсем не в своей квартире, а в небольшой мрачной сырой пещере с низким потолком, с которого посредине, неизвестно откуда идущий, свисал крученный в спираль электрический провод, на конце которого болтался рваный тряпичный абажур. Посреди пещеры напротив отопевшего Вовы стояли четверо. Двое из них были людьми, а от вида остальных парня чуть не вывернуло наизнанку. Скучный завтрак так и просился наружу, и Вове стоило огромных усилий держать его внутри.

– А тощий-то! То-о-щий! – противно с хищным чавканьем протянуло существо, отдаленно напоминающее маленького динозавра, рисунки которого можно увидеть в книгах и музеях. Только это было покрыто отвратительной слизью и имело голову лысого старика

с кожей висельника. Из-под синих губ угрожающе торчали два больших острых клыка, – и это тот барыш, который ты мне обещал, Блазень?! Там же кожа да кости! Таких как он пруд пруди в бомжовских притонах! – чудище презрительно фыркнуло, обдав фонтаном вонючей слюны все вокруг.

– Не гунди, тебе говорят! – шикнул человек в черной сутане и глубоким капюшоном, полностью скрывающим его лицо, тебе бы только пожрать...

– Да, да, – согласился тощий дед, единственный обладатель человеческого голоса в этой четверке, – ты же оборотень или кто? Вот и обернись в человека ради приличия хотя бы. У нас как-никак гости.

– Да стар стал я уже эти фокусы выделывать, – прогундосило чудище и разочарованно хрюкнуло, – мне бы пожрать чего...

Блазень в черной сутане поднял руку и миг все замолкли. Довольный результатом, призрак приблизился к Вова на несколько шагов. Новая волна ужаса накатила на гота, но он не мог даже закричать.

– Не обращай на них внимания, – прогудел Блазень, – они совершенно безвредны и бесполезны, хотя и мои слуги. Сам себе удивляюсь, зачем я их держу при себе. В любом случае, единственный, кого тебе сейчас следует бояться – так это я! Понял?!

Вова ничего не ответил, а заморожено смотрел на призрака.

– Понял?! – прогремел тот

– Д-д-да, п-понял, – пролепетал Вова и еще больше скукожился, потому что Блазень подошел еще ближе.

– Вот и хорошо, – одобрительно выдохнул призрак.

– Это оч-чень хорошо, – бодро поддакнул старичок позади Блазня.

– Теперь он уж точно наш, – пропищал толстенький коротышка в рваном и грязном вельветовом костюме на голове волосатое тело.

– Не наш, а мой, – хищно прохрипел Оборотень, – запомни это, Упыреньш!

– Так вот, – продолжал гудеть призрак, – ты давал клятву темным силам?

– Н-нет, – промычал гот.

– Как нет! – возмутился Упырь.

– Давал, давал! – продолжал поддакивать старичок.

– Я сам слышал, что давал! – гремел Оборотень, – и кошку в жертву при этом приносил...

– Которую перед этим кухонным ножом при всех зарезал, – пискляво уточнил Упырь.

– Н-ну... давал, – признался припертый к стене Вова, – но это же все не по-настоящему, – начал оправдываться он, – я же кровь этой кошки не пил и... и ничего не подписывал. Кровью не расписывался на пергаменте, как... как Женька к примеру делал. Вот к нему и обращайтесь. А я не того, я тут не причем!

– И что с того, что ты кровь бродячей кошки не пил? – насмешливо пропищал Упырь, – клятву-то давал, теперь исполняй, будь добр! Не надо было словами бросаться.

– Да, да, – привычно стал поддакивать старичок, – наобещают с три короба, а потом ищи свищи...

– Что вы от меня хотите? – завопил Вова в истерике. Он упал на колени и стал биться головой о пол и рыдать.

– Ты должен убить Сашу Ковальчука, – вкрадчиво произнес Блазень и слегка наклонился над Вовой.

Наступила тишина. Вова перестал рыдать и биться в истерике, замолкли слуги призрака, сам Блазень тоже замолчал, будто бы чего-то выжидая.

Наконец, гот поднял голову и посмотрел на призрака заплаканными, но злыми глазами:

– Никого я убивать не буду, – произнес он дрожащим голосом, – вы меня не заставите.

– Заставим, Вова, – назидательно ответил призрак, – не так-то легко освободиться от данной клятвы. Вспомни, что ты обещал?

– Я не буду никого убивать!!! – заорал Вова и бросился с кулаками на Блазня. Однако пролетев сквозь призрак, гот шлепнулся прямо к ногам старичка.

Позади раздался страшный гомерический хохот Блазня.

– Вова, Вовочка, что ты с собой делаешь? – сочувственно повторял старичок, голос которого изменился и стал очень знакомым.

Тело снова забило крупной дрожью, Вову обуял неопиcуемый ужас и он что есть силы закричал:

– Убирайтесь вон! Я не буду никого убивать, вы меня не заставите! Вас нет! Все вы мне только кажетесь!!! Вы не заставите!..

– Да кто же тебя, Вовочка, заставляет убивать-то! Успокойся! – продолжал свои сочувственные речи старичок. Его лицо странным образом стало менять черты, да и сам старичок стал превращаться в старую женщину. Приглядевшись, Вова узнал свою бабушку. Вдруг гот обнаружил себя лежащим на полу в своей квартире в тесной, заваленной тряпками и коробками прихожей. Над ним, склонившись, причитала его бабушка Любовь Михайловна.

– Ох уже мне эти люди... – услышал Вова чей-то мужской бас откуда-то издалека.

Под слезливые причитания бабушки гот встал, потрусил головой, настороженно огляделся по сторонам, затем стал пристально разглядывать Любовь Михайловну.

«Бабушка как бабушка, – размышлял Вова, – вроде не притворяется, а там кто знает... Спрошу у нее что-нибудь».

– Где была, бабуля? – грубовато спросил гот.

– Да где же мне быть, внучек, – зататорила женщина, – ты же сам перед тем как пойти в университет-то свой просил купить тебе чего-то вкусенького. Вот я и сходила. Прихожу, а здесь ты бьешься головой о пол и кричишь. У меня чуть сердце не выскочил из груди. Ей богу! До чего людей учеба доводит только...

– Да не учеба, а безделье и пиво, – раздался голос из далека. Вова вздрогнул и оглянулся. Никого. Пробежался по квартире: в ванной, туалете, кухне – никого. В комнате даже под диваном и креслом посмотрел – пусто.

«Что это еще такое?» – в растерянности вопрошал сам себя Вова.

– Бабуля, ты ничего только что не слышала? Голоса там какие?

– Нет, не слышала, – ответила Любовь Михайловна, – глуховата стала. А что случилось?

– Да ничего, забудь... – отмахнулся Вова и включил телевизор.

– Может таблеточку выпьешь, или врача вызовем, – причитала женщина, – не нравишься ты мне.

– Да отстань от меня, – раздраженно буркнул Вова, – говорю тебе все нормально.

Любовь Михайловна открыла рот, чтобы еще что-то сказать, но раздался звонок в дверь, и она поспешила открывать.

– Доброго вечера, Люба, я тут пришла поинтересоваться...

– Соседка пришла, видно слышала мои вопли, – прошипел себе под нос Вова, щелкая кнопками на пульте, – теперь сплетен не оберешься...

– Кто это только что выходил из вашей квартиры?

– Никто не выходил, – удивленно ответила Любовь Михайловна, – а что?

– Э-э, Люба, я хоть и подслеповата на старость лет стала, а видела то, что видела. От меня не скроешь. Такой высокий парень в белом костюме спортивном выходил из нашего-то тамбура. Вежливый такой, поздоровался со мной. Кто это?

– Вот баба до чего настырная, – не унимался Вова, – привиделось неизвестно что...

– Да кто же это мог быть-то? – раздраженно отбивалась Любовь Михайловна от соседки, – я уже как минут двадцать дома и никого не было. Мы тут с Вовочкой порядки наводили...

– С Вовочкой, – передразнила соседка, – небось милиция к Вовочке твоему приходила. Я всегда говорила, что добром твой Вовочка не кончит...

– Что за бред, – потерял терпение Вова.

Он закрыл плотно дверь в прихожую, и погромче включил телевизор. По кабельному показывали ужастик...

Глава пятая

– Куда ты меня ведешь, Светка? – заплетающимся языком вопрошал пьяный Ковальчук у девушки.

Под пристальными взглядами секьюрити они прошли через раздвижные стеклянные двери офисного центра, и Света нажала на кнопку лифта.

– Свет, а Свет, – продолжал гундосить Саша, – может я это, домой пойду, а? А то здесь приличное место, а я как свинья... Ведь это ты меня напоила и привела сюда позорить... И тебе не стыдно с таким как я возиться?

– Стыдно, конечно, – вздохнула Света, – но что поделаешь, если по-другому с тобой и поговорить нельзя...

Лифт звякнул и открылся перед необычными посетителями.

– Вот и я говорю, что стыдно, – упирался Саша, – я пойду домой, решено!

– Ты говорил, что я тебе нравлюсь? – загадочно улыбнулась Света и взглянула Ковальчуку в глаза томным взглядом.

– Ну... говорил, – подумав, ответил Саша.

– Ты говорил, что я больше чем нравлюсь, – продолжала атаку Света, – возможно, ты даже в меня влюблен, не так ли?

– Н-нуу...

– И еще ты мне обещал луну с неба сегодня достать, – давила девушка, – и сделать все, что я захочу. Ты не отвечаешь за свои слова?

Света разочарованно вздохнула и отвернулась.

– Л-ладно, пошли, где там твоя луна или что ты еще там задумала... – сдался нетрезвый Ковальчук, – почему бабы думают, что могут командовать мною? – пробурчал он вполголоса, следуя за Светой в лифт.

Девушка очаровательно улыбнулась и нажала на 13 этаж...

– И что ты предлагаешь мне делать с ним? – Олефина Валерьевна строго посмотрела на Свету, когда они с Сашей ввалились в ее кабинет – напоить его и я могла бы! Ты русалка, в конце концов, или кто? Его *очаровать* надо было, чтобы он добровольно согласился стать богатырем. А кому нужен накаченный пивом тинейджер?

Света скептически скривилась и развалилась в черном кожаном кресле напротив:

– Вы требуете от меня невозможного... – попыталась объяснить она.

– *Невозможного?!* – возмутилась Олефина Валерьевна, – значит, Анной для Генриха I ты могла стать. Если бы тогда мы французскому королю оставили настоящую сварливую и чахоточную Анну, неизвестно, что было бы с Русью. Для развлечения ты, помнится, даже Жанной ДАрк была, не так ли?

– Это не то... – простонала Света

– Что не то? – не унималась Олефина Валерьевна, – тогда Русь нуждалась в нашей помощи, а сейчас весь мир нуждается, а ты мне потенциальных богатырей спаивать вознамерилась?!

– Вот именно потому, что он *настоящий* богатырь, а не *потенциальный*, я и не могу его очаровать, – наконец взорвалась Света, – Яга, ты, что на свет вчера только родилась? Всех тех, кого мы пытались сделать богатырями со времен Ильи Муромца, не были богатырями, поэтому и приходилось нам в самый последний момент самим расхлебывать кашу, наваренную людьми. А этот тинейджер, как ты его назвала, самородок – богатырь русский. Единственный за последние полторы тысячи лет, может быть. Итак, скажи спасибо, что мне удалось притащить его сюда. Зануда страшный. Еще уговорить его попробуй – ничем он не интересуется, ничего ему не надо.

– Ладно, ладно, – примирительно ответила Олефина Валерьевна, – ты, наверное, права, хотя можешь и ошибиться. Я только в этом смысле...

– Слишком долго ты среди людей живешь, – обиженно буркнула Света, насупив брови, – того и гляди оскотинишься...

– В любом случае, разговаривать с ним надо только с трезвым, – словно не расслышав последней реплики Светы, продолжала вслух рассуждать Олефина Валерьевна, – а то, что он непутевый, так это ничего. Вспомни-ка Илюху-то нашего – валенок валенком, а Русь-матушку в кулаке держал!

– М-может, мне кто-нибудь объяснит, зачем я здесь? – раздраженным голосом спросил едва стоящий на ногах Ковальчук.

– Садитесь, молодой человек, – невозмутимо обратилась Олефина Валерьевна к Саше, – очень хорошо, что вы... э-э-э вас привели сюда. У нас к вам есть дело.

– Да-да, – закивал головой Саша и заулыбался, – Света рассказывала мне сказки о драконах, русалках и вредных, настырных бабах ёгах. Вы тоже мне будете сказками кормить?

Олефина Валерьевна метнула грозный взгляд на Свету, но ничего не сказала.

– Все намного серьезнее, чем кажется на первый взгляд, – обратилась она к Саше, – те существа, о которых вы знаете по сказкам, действительно существуют и живут среди людей...

– М-да-а, – протянул Ковальчук, – вы правы: все намного серьезнее, и не мешало бы сюда позвать санитаров из психушки. Короче, я пошел. У меня есть дела поважнее, чем ваши сказки. Вы уж не обессудьте.

– Сядь, – громыхнула Олефина Валерьевна.

Ковальчук от неожиданности вздрогнул, не удержал равновесие и упал на стул, чуть не свалившись вместе с ним на пол.

– Смотри и слушай...

Ковальчук вдруг почувствовал, что веки отяжелели, и его непреодолимо клонит в сон. Он попробовал сопротивляться, но все попытки оказались тщетными. Несколько раз он пытался встать, но тотчас словно тонна кирпича наваливалось на его грудь и он обессиленный падал назад на стул.

«Что за наваждение?! – спрашивал себя Саша, – неужели я так сильно нахлебался пива? Светка, змея подколодная, споила. Ну, ничего, встретимся завтра в универе. Я ей устрою трепку...»

Сознание Ковальчука помутилось, и он погрузился в белесый саван тумана, клубившегося вокруг него. Саша не чувствовал своего тела, он просто парил среди облаков, овеваемый теплым встречным ветром. Туман впереди стал закручиваться, превращаясь в извилистый широкий тоннель. Сашу стало затягивать в образовавшийся в облаках проход. Ковальчук чувствовал, что с каждой секундой летит все быстрее и быстрее, дышать становилось труднее, встречный ветер оглушал и срывал одежду с тела.

«Я падаю и через несколько секунд разобьюсь!..» – в отчаянии подумал Саша и закрыл глаза, ожидая страшного удара. Но удара не последовало. Через несколько минут бешеной гонки, Ковальчук почувствовал, что неожиданно легко приземлился на что-то мягкое.

«Наверное, так после смерти чувствуют себя люди, упавшие на асфальт с большой высоты», – с облегчением подумал Саша и открыл глаза. На него смотрело небо. Грустно и участливо. Когда Саша взглянул на него, то заметил, что оно залилось краской. То ли от смущения, то ли от того, что близился закат. Поднявшись, Ковальчук обнаружил себя на стоге сена, одиноко стоявшего посреди бескрайнего поля. Вокруг, насколько мог охватить глаз, колосилась разнотравье, по бескрайним просторам разгуливал ветер. Звенели цикады, пели кузнечики, пахло сеном и свежей травой. Саша спрыгнул со стога и, отряхнувшись, огляделся. Никого. Но голос внутри говорил обратное. Ковальчук чувствовал присутствие того, кого пока еще не видел. Может, это небо, смотревшее теперь на него тусклыми зрачками прибывающих

сквозь пелену вечерних сумерек звезд? Может в траве кто-то прячется? Или в стоге? Кто собрал его здесь, кто придет за этим сеном?

Вдруг Саша вздрогнул. В шагах сорока от него он заметил нечто, чего раньше не увидел. Подойдя ближе, Ковальчук разглядел каменную бабу с огромным овальным лицом с выпученными круглыми глазами, руки у бабы были молитвенно сложены на пышной груди.

В нескольких шагах от этой бабы Саша заметил еще одну, но подходить не стал. Эти каменные изваяния одиноко стоящие среди поля вселяли в него какой-то мистический ужас. Ковальчук поспешил отойти от идолов и увидел возле стога человека, пристально на него смотрящего. У Саши сердце ушло в пятки от неожиданности, он действительно очень испугался, но все-таки решил подойти ближе и разглядеть незнакомца. Тот был одет в разорванную и окровавленную на груди кольчугу, шлем с острым наконечником лежал рядом с разбитым надвое щитом. Воин держал в руке обломок меча.

– Пи-и-ить, – протяжно стонал он и умоляюще глядел на Сашу.

Растерявшись, Ковальчук стал искать вокруг воду. Через минуту поисков на глаза ему попалась кожаная фляга, валявшаяся в метрах семи от воина. С трудом вытащив пробку из горлышка, Саша поднес флягу к потрескавшимся пересохшим губам воина. Тот сделал несколько больших глотков и закашлялся. Ковальчук увидел, как по подбородку скользнула тоненькая алая струйка. Стало ясно, что человек умирает, а он, Саша, ничем не может ему помочь. Спихватившись, Ковальчук стал шарить по карманам, вытащил мобильный телефон, трясущимися пальцами набрал экстренный номер, однако ответом ему были только короткие гудки.

– Черт, сети нет, – выругался Ковальчук и обреченно посмотрел на умирающего.

– Зачем тебе сеть, отрок? – услышал он сочный бас. Саше понадобилось больше минуты, чтобы сообразить, что его спрашивает раненный воин, – здесь нет пруда на многие и многие версты. Так что про рыбу можешь забыть.

– Да, я про рыбу-то и не думал, – смешался Саша, – а кто вы?

– Я один отрок, один, – ответил воин, – а один раненный в поле уже не воин, – умирающий грустно вздохнул и опять закашлял кровью.

Ковальчук снова поднес флягу к его губам. Отпив немного, тот благодарно улыбнулся вымученной улыбкой.

– Меня прозвали Святозар. В нашем селении больше никого не осталось, кто бы мог сразиться с Древним, – заговорил он, – я был самым младшим из всех и пришел сюда последним. Мой прадед, дед, отец положили головы на этом проклятом поле в неравной битве со Змием. Как видишь, моя участь немного отличается от участи моих предков и товарищей.

– Ты дрался с драконом? – улыбнувшись недоверчиво спросил Саша, – скажи, что еще с трехглавым...

– С трехглавым, трехглавым, – ответил Святозар, – будь он проклят. Говорила мне матушка не страшиться его трех огнедышащих голов, страшных зубов и когтей хищных орлиных. А как взмахнул он крыльями, как изрыгнул пламя на меня, так и растаяло сердце мое во мне. К стыду своему должен признаться, что битва моя была недолгая. И умираю я здесь отнюдь не как герой, а как собака паршивая. Благо, что матушка моя меня не видит, да братец младшенький, а сестрица горемычная скоро станет добычей Змия Древнего ненасытного.

– А почему вы поодиночке ходите на него? – подумав, спросил Саша, – собрали бы армию, артиллерию там... стрелков и всем миром бы и одолели.

Святозар снисходительно улыбнулся:

– Сразу видно, отрок, что нездешний ты и обычаев тутошних не знаешь.

– Да уж...

– С Древним драконом сим, чтобы победить его, надобно воевать только в одиночку. Армии тварь сия не боится. Хоть тьму тьмушую на него пошли. Ведь не силою военною победить Змия надобно, а духом ратным, от страха и нечистоты всякой свободным. Молили

мы Богородицу-то нашу заступницу, чтобы послала нам богатыря такого, чтобы он освободил народ наш и землю всю от тирана древнего, но видать не слышит она молений наших. Не нашлось витязя, способного одолеть напасть сию. И твоя очередь настала, отрок, сразиться со зверем лютым, береги себя.

Зловещая тень накрыла Сашу. Он резко обернулся и обомлел. Перед ним возвышался на высоту девятиэтажного дома страшный черный трехглавый дракон. Завидев людей, он зашипел, захлопал крыльями и устремился вперед. Саша только успел закричать...

– ...пойду, а то Степан Домовик, которого я за Вовой-готом следить поставила, тревогу чего-то забил. Встречи требует, – услышал Ковальчук голос Светы откуда-то издалека.

Когда Саша открыл глаза, то увидел Оленину Валерьевну, сидящую за столом. Она с деловым видом перебирала бумаги и с кем-то говорила по телефону.

Заметив, что Ковальчук открыл глаза, женщина приятно улыбнулась:

– Ну что протрезвел малость? А то я и не знала, что с тобой пьяным-то делать. Не поговорить по-человечески, и на улицу выставить негоже...

– Зачем Светка меня сюда привела? И что это я такое видел? Это гипноз?

Женщина улыбнулась еще шире:

– Вот на эти вопросы, кроме последнего я и хочу тебе дать ответ прямо сейчас. Чай, кофе, сок?

– Сок, – ответил Саша и сел поудобнее на стуле, – а почему кроме последнего? Должен же я знать, что вы со мной сделали! Может, вы меня в зомби хотите превратить!

– То, что ты увидел, я показала тебе для пущей убедительности, чтобы ты яснее понимал, о чем идет речь, – Оленина Валерьевна подала Саше высокий стакан с соком.

– Наверное, это была плохая идея, потому что я так ничего и не понял: раненный богатырь, дракон... Кто вы? Чего хотите?

– Мы ищем богатыря, способного сразиться с Шелудивым и победить его, – ответила Оленина Валерьевна.

– А что будет, если его не победить? – усмехнувшись, спросил Саша, а сам подумал:

«Надо отсюда выметаться. И угораздило же меня попасть к сумасшедшей бабе! Вот Светка, вот Светка...».

– Если оставить его на воле, он может погубить мир людей, да и наш мир тоже, – сказала женщина, и, помолчав, добавила, – а насчет «сумасшедшей бабы» во-первых, это для меня оскорбительно. Я могу разозлиться, а ты должен знать, что Ягу злить не стоит, а то мало не покажется.

При этих словах Оленина Валерьевна плавно перевоплотилась в древнюю сгорбленную старуху с клюкой, от вида которой Ковальчук упал со стула, ударился больно затылком и завопил что есть мочи:

– Хватит!!!

– То-то же, – наставительно прошамкала Яга и снова стала Олениной Валерьевной, – а во-вторых ты неправ. Если кто из нас и не в своем уме, так это ты.

– Почему?

– Ты на свою жизнь посмотри! У тебя окромя компьютерных игр и попок ничего не происходит. Ты никогда не задумывался, зачем ты живешь, и нужен ли ты в этом мире кому-либо, или просто паразитируешь?

– Э-это, – вяло махнул рукой Саша, – хоть вы там и колдунья какая-то, Светка небось ваша дочь, но не надо меня воспитывать. Я сам себе хозяин!

– Не дочь она мне, – ответила Оленина Валерьевна, – русалка обыкновенная. В прошлом утопленница горемычная. За вот таким гадом как ты извелась пока руки на себя не наложила. А то, что ты хозяин своей жизни это понятно, вот только зачем ты жизнь-то свою в унитаз смываешь? И не жалко тебе?

– А вам беда какая? – усмехнулся Саша, – хотите распорядиться по-своему? Думаете, лучше выйдет? Знаете, сколько таких пророчиц и пророков как вы по городу ходит? И все хотят распоряжаться чужой жизнью, вернее, чужими деньгами...

– Да распоряжайся, как хочешь! – начала выходить из терпения Олефина Валерьевна, – только нам богатырь нужен, понимаешь?

– Ну, дэж, а я здесь причем, – Сашу все больше стало пробивать на смех.

– Притом, что ты и есть тот самый богатырь, который может одолеть зверя окаянного в видении тобою виденного.

– А если я не хочу? – спросил Саша.

Олефина Валерьевна долго смотрела на Ковальчука, затем тихо ответила:

– Твое право – хотеть или не хотеть...

– Тогда я пойду, до свиданья, – Саша открыл дверь, – а Светке я завтра скажу все, что я о ней думаю, утопленнице горемычной! Ха-ха-ха!

– Да только никуда ты не денешься, – произнесла Олефина Валерьевна, после того, как дверь за Ковальчуком захлопнулась, – а сегодня до полуночи из этого здания не выйдешь. Чтобы в следующий раз не повадно было меня юродивой-то обзывать.

Глава шестая

Ковальчук догнал Свету возле выхода из метро.

– Привет! – поздоровался он.

– Привет, – ответила Света, – как прошел визит к Яге?

– Если бы ты была пацаном, – сквозь зубы произнес Саша, – я бы тебе за этот визит морду бы набил, поняла? Я до полуночи блуждал по коридорам этого чертового офисного центра.

Света пожала плечами.

– Сам виноват, нечего было Ягу злить.

– Да уж, точно – Яга... – промычал Саша.

– Я же не виновата, что ты относишься к нам как к выдумке?

– К кому это «к нам»? – Ковальчук уставился на Свету и даже остановился.

– К жителям Леса, – просто ответила девушка.

Саша криво ухмыльнулся:

– Значит ты, как сказала та сумасшедшая вчера, русалка, в прошлом утопленница...

– Все русалки – утопленницы, – сказала Света, – мифологию славянскую почитай.

– А она, значит, Баба Яга такая себе, да?

Света согласно кивнула.

– Вы сдвинутые по фазе, вот вы кто, – произнес с насмешкой Ковальчук, – по вам психушка плачет. Я это Яге твоей сказал и тебе говорю.

Света в ответ только презрительно скривилась, но ничего не ответила.

– И со мной на парах больше не садись, – приказал Саша, – не хватало мне еще славы того, кто водится с больными на голову...

Не успел Ковальчук договорить как на перекресток, на котором они остановились, выехал черный микроавтобус и остановился посреди дороги прямо напротив Саши и Светы. Тонированное черное окно открылось и в проеме показалось дуло автомата. Последовала очередь, вторая, третья. Затем микроавтобус сорвался с места и скрылся в ближайшем переулке.

Хотя все произошло за несколько секунд, Ковальчуку показалось, что прошло несколько часов. Он, словно в замедленной съемке наблюдал, как скрипя покрышками по асфальту, тормозил микроавтобус. Медленно-медленно открылось тонированное стекло. Кто-то невидимый в кабине очень медленно поднял автомат и направил дуло в него, Ковальчука. Затем гулко, как в пустой большой бочке раздались звуки очереди. Саша, не отдавая себе отчета в том, что происходит на самом деле, с интересом наблюдал, как из ствола одна за другой вылетают блестящие пули, разрывая перед собой воздух, словно скоростной катер – водную гладь. Пули едва двигаясь, приблизились к Саше на расстоянии где-то полуметра и застыли в пространстве, затем со звоном попадали на асфальт.

– Бежим! – вдруг взорвался в сознании взволнованный голос Светы, но Саша стоял на обочине завороченный и не думал трогаться с места.

– Уходи отсюда! – прошипела Света, и Ковальчук, повинувшись чужой воле, бросился бежать через перекресток прямо на красный свет, сопровождаемый злобными гудками клаксонов и свистом покрышек.

Когда в заброшенном переулке недалеко от университета Саша, наконец, пришел в себя, Света сказала:

– Все, Санек, шуточки и уговоры кончились. Шелудивый узнал о тебе и уже начал охоту, так как знает, что у него немного шансов остаться на свободе, если ты будешь жить.

– Кто такой Шелудивый? – спросил, тяжело дыша Саша, – местный криминальный авторитет?

– Можно и так сказать, – усмехнувшись, ответила Света, – только неместный...

– Какое ему до меня дело? Никогда дело с зэками не имел.

– Шелудивый – это дракон, которого тебе показала Яга в видении. Ты единственный, кто может его одолеть, поэтому, пока ты наиболее уязвим, он затеял на тебя травлю. Бойся своего друга гота. Прихлебатели Шелудивого уже добрался и до него.

– Вовка, что-ли? – удивился Ковальчук, – да он же безобиднее мухи!

– Тем не менее, его домовой все видел, но сделать что-либо было уже поздно. То, что сообщники Шелудивого так нагло врываются во владения местных домовых, говорит о том, что он силен как никогда и что-то задумал.

Саше наконец удалось вырвать локоть из железной хватки Светы. Он оттолкнул ее и произнес:

– Послушай, ты. Я не хочу вляпываться из-за тебя ни в какие переделки, и рисковать собственной задницей, поняла?! Меня только что чуть не превратили в решето, ты соображаешь, что ты творишь? Если тебе угрожает опасность, иди в милицию, там тебе помогут. А меня не вешивай!

В глазах у девушки полыхнул огонь, но она, сжав губы, сдержалась:

– Во-первых, если кто сейчас и нуждается в помощи, так это ты, Александр Ковальчук. А во-вторых, ты «вляпался» еще тогда, когда вышел из утробы матери, – тихо ответила она, – ты – богатырь, тебе предначертано исполнить особую миссию. Если ты этого не сделаешь, Шелудивый свергнет мир очередную катастрофу. Это же *твой* мир!

Саша только усмехнулся:

– Точно ты больная, – сказал он, – однако запомни, как бы там ни было, я – не Том Круз и спасать мир – не по мне. И не подходи ко мне больше, поняла?!

С этими словами Ковальчук пошел прочь.

Света осталась стоять одна посреди улицы, задумавшись. Мимо проходила мама с трехлетним ребенком, который выдувал мыльные пузыри. Они красиво переливаясь на солнце перламутром взлетали вверх, металась между деревьями, падали на асфальт и лопались. Ребенок уже давно скрылся за углом улицы, но один самый большой шар, которым он долго восхищался все никак не хотел лопаться, а причудливо кружил над тротуаром недалеко от того места, где присела на лавочку Света. Наконец, шар оказался перед девушкой и стал увеличиваться в размерах. На его цветной поверхности Света вдруг увидела встревоженное лицо Олефины Валерьевны:

– Что случилось? – спросила она

– Шелудивый попытался только что убить Сашу, – надув губы, ответила Света, – я его спасла, но в ответ, как обычно, никакой благодарности.

– Люди все такие, – сокрушенно ответила Олефина Валерьевна, – и богатыри ни чем не лучше. А где сейчас Саша?

– Нагрубил и пошел в университет свой, – презрительно скривившись, сказала Света, – еще немного и я превратила бы его в дворовую шавку!

– Ты оставила его одного?! – взорвался мыльный пузырь грозным криком Бабы Яги, который, казалось, должен был услышать весь город, но слышала только Света.

– Он приказал не подходить к нему, – ответила девушка, – не сильно-то я и расстроилась...

– Ты совсем с ума выжила, русалка негодная! – загремела Олефина Валерьевна, – его же там Шелудивый руками Вовки-гота убьет.

– А мне-то что, – передернула плечами Света, стараясь выглядеть безразличной, – я вообще через Врата в Лес уйду...

– *Све-та*, – громыхнул гром, – вокруг мыльного пузыря начали плести причудливый узор молнии. Подул холодный ветер, небо затянуло тучами и на улице как-то сразу потемнело.

– Ладно, ладно, – сдалась девушка, – иду спасать твоего горе-богатыря. Да не переживай ты так. Ничего с ним не станется. Вова имеет обыкновение только к середине второй пары приходить...

С неба посыпался крупный град.

– Меня уже нет! – замахала руками Света и побежала к университету.

Шар лопнул, и через несколько минут снова стало тепло и солнечно.

Вова прошел мимо нескольких студентов из своей группы, не поздоровавшись. Остановился посреди вестибюля в нерешительности и огляделся.

– Вован, чего не здороваешься? – обратился кто-то к парню.

– Привет, – поздоровался Вова и подошел к товарищам, – а где Ковальчук? – спросил он.

– Только что пролетел мимо в сторону туалета. Также, как и ты – ни здрасте, ни до свиданья, – был очень зол и чем-то испуган.

Вова как-то неестественно криво усмехнулся:

– Понятно, – развернулся и пошел к туалету.

Ребята, переглянувшись, продолжили прерванный разговор.

– Ковальчука не видели? – неожиданно громко раздался голос Светы.

– В туалет пошел Ковальчук, – последовал недоуменный ответ, – чего это всем так сегодня нужен? Пишет лабораторки на семестр вперед за одну пару?

– Кому это всем? – насторожилась Света.

– Вовка-гот только что проходил. Мутный такой, Сашку искал. Теперь вот ты...

– Что за день!!! – выдохнула Света и бросилась к туалету.

– Это что-то новое, – кинул один из парней.

– Все-таки интересно, отчего Ковальчук вдруг стал так популярен? – спросил другой.

– Надо будет у него уточнить насчет лабораторных работ, – задумчиво произнес третий.

– Цену, небось, нереальную заломит... – процедил сквозь зубы первый.

Над головами у собеседников загремел звонок на пару...

Саша прикрыл за собой скрипучую дверь туалета и сразу же увидел идущего по коридору Вову. Ковальчук махнул рукой и пошел навстречу товарищу, но тут его лицо омрачилось. За Вовкой бежала Света. Ковальчук остановился и зло поджал губы.

– Опять эта сумасшедшая баба, – процедил он, – наверняка сейчас к Вовке пристанет...

Тем временем Вова вытащил правую руку из кармана куртки и поднял ее на высоту плеч. Не веря своим глазам, Саша увидел в его руке пистолет. Это был «Маузер» времен гражданской войны, найденный Вовой год назад в подвале дома, где приходилось помогать чинить прорвавшую канализационную трубу в доску пьяному сантехнику. Эту комедию Саша помнил до сих пор, поскольку Вова позвал его тогда на подмогу. Вова вычистил, изрядно заржавевший артефакт и надежно спрятав в недрах своей квартиры, никому не показывал во избежание неприятностей. О существовании оружия знал только Саша. Зачем же Вован притащил его в университет, и направляет его на Ковальчука? Неудачная шутка...

Саша покрутил пальцем у виска и замер.

С диким воплем Света бросилась на гота сзади как раз в то мгновение, когда прогремел выстрел. Что-то обожгло висок Саше и ударило позади в стену, обдав его фонтаном штукатурки. Ошарашенный, Ковальчук тронул висок. Пальцы были в крови. Еще два миллиметра вправо, и он сейчас бы лежал остывающим трупом...

Однако то, что произошло потом, полностью завладело его вниманием.

Неизвестно откуда посреди пустого университетского коридора сорвался сильный шквал, чуть не сбивший Ковальчука с ног, от которого задрожали стекла в рамах и затрепыхались тщедушные люстры под высоким потолком. Там где Вова со Светой повалились на пол, вспыхнуло пламя и во все стороны посыпались искры как от короткого замыкания. В нос ударил тошнотворный запах серы и гари. Словно пантера, Света вскочила на ноги. Неизвестно откуда

в ее руке появилось невероятно длинное цветное птичье перо, тотчас превратившееся в ее руках в изогнутый, объятый синим пламенем клинок. Сверкая глазами, словно воинствующий призрак, Света атаковала успевшего отскочить в сторону Вову, вооруженного теперь черным трезубом, с концов которого на паркет с шипением капала черная светящаяся жидкость. Из горла всегда миролюбивого гота раздался нечеловеческий вой. Перо-клинок и трезубец скрестились с оглушительным звоном. Отразив нападение Светы, Вова со злобным шипением кинулся на противницу. Однако та и не думала отступать. Ее огненный меч ослепительно сверкал ярким пламенем и то и дело поражал почерневшее тело Вовы-демона. Наконец, потеряв равновесие, Вова, захрипев, повалился на бок, выронив из костлявых пальцев трезуб. В его груди Саша разглядел зияющую рану, из которой сочилась густая темная пузырящаяся жидкость. Света издала победный вопль. Ее клинок уже был готов опуститься на пораженного врага в последний раз, как раздался раскат грома, и ослепительная молния ударила в ноги девушки, сбив ее с ног. Между Светой и Вовой закрутился темный смерч, который увеличивался с каждой секундой, пока не достиг высокого потолка университетского коридора, срывая с него люстры и вырывая из стен проводку и карнизы над высокими окнами, стекла в которых не выдержав силы поднявшегося ветра, разлетелись в пыль. Огромная костлявая рука протянулась из недр страшного черного смерча к Свете. Огненный меч был вырван из ее ослабевших пальцев невидимой силой. Саша, словно в кошмарном сне, обливаясь холодным потом и дрожа всем телом, наблюдал, как вокруг девушки стало сгущаться темное облако, обволакивая ее со всех сторон. Когда могильная тьма окончательно скрыла Свету с глаз, по коридору разнесся ужасный хохот:

– Ты придешь за ней! – раздался оглушающий рык из темного смерча, – ты придешь за ней!..

Ковальчук очнулся от того, что кто-то трусил его за плечо. Он стоял один посреди пустого коридора в обществе декана факультета. Щупленького сутулого старичка с лукавыми всегда смеющимися глазами. Он потрясал перед носом у Саши его собственной зачетной книжкой и ехидно повторял фразу, слышанную Ковальчуком из глубины темного смерча:

– Ты придешь за ней! Ты придешь за ней, Ковальчук. И тогда уж мы в присутствии проректора поговорим, стоит ли оставлять тебя с двумя проваленными экзаменами на третьем курсе или все-таки выставить за двери, чтобы ты не позорил своим присутствием доброе имя нашего университета.

Ковальчук очумело смотрел на декана, не понимая, о чем тот говорит и что, собственно происходит. Перед его глазами все еще стояла картина обессиленной Светланы, тело которой обволакивала тьма из смерча.

Прозвеневший звонок окончательно вывел Ковальчука из транса. Надоедливый декан исчез с его зачеткой в толпе повалившихся из аудиторий студентов. Оглядевшись, Саша не увидел ни выбитых стекол, ни вырванных из стен проводов. Все было по-прежнему, как будто битвы между Светой и Вовой не было вовсе. Да и Вовы поблизости не видно тоже.

– Неужели мне все это просто привиделось, – растерянно пробормотал Ковальчук и помотал головой.

– Ты чего такой испуганный стоишь? – кто-то из однокурсников хлопнул Сашу по плечу, – декана испугался? Ты же знаешь, он не любит, когда игнорируют его пары. Удивляюсь тебе, зачем ты отдал ему свою зачетку? Теперь он уж точно с тебя не слезет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.